

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ

Заголовком данного доклада задано множественное число – аспекты. Мы рассмотрим три из них, которые нам кажутся наиболее актуальными сегодня.

Презентация на пленарном заседании конференции "Язык и социум" доклада о дискурс-анализе, дискурс-исследованиях – закономерное явление, равно как и закономерен тот факт, что доклады о дискурс-исследованиях обычно завершают заседание. Почему? Это отражает историческое место данной группы исследований. От фонемы\морфемы к слову, от слова к предложению\высказыванию и далее к тексту\дискурсу. От анализа *формы* к анализу *содержания*. И далее к объединению формы и содержания в едином понятии – *знак*.

Соответственно осознается и значимость дихотомии "язык-речь": от формы к содержанию – речевое пространство, и от содержания к форме – языковое. От содержания языкового, а точнее, от значения – *о чем* языковой знак, *что* за ним стоит к содержанию речевому – *кто* за ним стоит. От предметной ситуации общения к субъектной ситуации общения. От видения адресата как объекта (на кого направлено речевое действие) к видению адресата как активно взаимодействующего субъекта. И далее от вопроса "*что* есть содержание" к вопросу "*где* содержание" – с автором или с аудиторией?

Такова история развития лингвистики. Но при этом мы наблюдаем любопытнейшую вещь: в современном ее прочтении она оставляет место каждому из своих исторически значимых этапов, не отрекаясь них, а наоборот, *делая* их твердой опорой каждого последующего этапа. И сегодня лингвист, остановясь на любом них, остается современным и актуальным, ибо изучение

нового только тогда значимо, когда есть опора, и эта опора не шаткая, а достаточно изученная. А наука, как мы знаем, бесконечна. Познание развивается и вширь и вглубь, сохраняя и перспективу и ретроспективу.

И все же в этом бесконечном, благороднейшем, открытом для всех исследовательском процессе, где есть место каждому под солнцем, есть также трения, разногласия, разночтения, недопонимание, конфликт, даже война. *Где же эта война зарождается и как к этому факту относиться?*

Ответ на эти вопросы можно найти в русле философии и методологии, а именно, в русле философского и методологического осмысления роли действительности, познающего и общающегося субъекта, науки в жизни общества. Иначе говоря, ответ мы находим *в месте пересечения парадигмального и синтагмального видов развития науки*, а значит, и общества в целом.

Пример синтагмального развития науки мы в весьма упрощенном виде привели вначале доклада. Это *история науки*, открытая определенному (богом или судьбой) континууму знаний, что есть факторная величина – постоянно действующая причина.

Примером парадигмального развития (если также кратко обозначить проблему) является наличие качественных скачков в данном историческом развитии. А это *методология науки*, закрывающая, а точнее, прикрывающая собой, как плащом, познание, берегущая его, сохраняющая, консервирующая знание, помещающая его то в одно, то в другое прокрустово ложе, в ту или иную систему знаний. И это уже фактурная величина – результирующая причина.

Впрочем, прокрустово ложе – лишь каждая из систем знаний, взятых отдельно. Рассмотрение их в движении навстречу друг другу, в аспекте дополнительности и верификативности снимает проблему закрытости науки и проливает дополнительный свет на источник открытий.

Но вернемся к качественным скачкам. Это *холистическая* система видения (причинно-следственная: на все существующее есть причина), *позитивистская* (верим факту, цифре, чувствам, приборам, совершенствующим наши чувства), *интерпретативная* (верим слову, интерпретации, поиску мысли, анализу), *критическая* (не верим, не ждем, не сомневаемся, познаем жизнь, преобразуя, полагаясь на волю и действие), *постмодернистская* (открывающая веру в способность познания с помощью других языков: языка искусства, языка внутреннего мира), *синергетическая* или *каузально-генетическая* (воссоединяющая разорванные связи, мирящая то, что призвано конфронтировать, налаживающая диалог, но неизбежно переносающая фокус внимания с глубины исследования на объем, охват, широту).

И в этих парадигмах-методологиях-перспективах-системах знаний самым причудливым образом преломилась *дихотомия качество-количество*: верим тому, чего много (т.е. массам, большинству, повторяющимся фактам).

или тому, что единично, эксклюзивно (Богу, учителю, собственному опыту); считаем объективным то, что представлено в цифрах или примерах, иллюстрациях, взятой из реальной жизни и многомерно осмысленной; верим в то, на что указывают наши чувства (зрение, слух), или на то, чего может достигнуть ум, на его силу, его работу.

Соответственно, и малые теории, а за ними и методики вбирают в себя те или иные взгляды, веру, расчет.

И здесь мы спускаемся на уровень методик, технологий, и на уровень споров по их поводу, что важнее, что надежнее: контент-анализ или дискурс-анализ. "А может, это одно и то же, объект анализа тот же: содержание текстов (вот и "контент" переводится как содержание)", – говорят одни. "А если дискурс-анализу добавить цифирь, вот и хорошо, а без цифири, без количества слабовато", – говорят другие. "Какой у Вас корпус текстов? – спрашивают третьи. И тут же добавляют: "Маловато, надо добавить, а иначе не репрезентативно, не объективно". И молодые ученые спешат засомневаться в установке научного руководителя, что-то добавить, выйдя на поверхность исследовательской процедуры, а им опять говорят: "Все равно слишком маленькая выборка, а почему нет подсчета встречаемости обнаруженных вами единиц анализа?". И если пойти по пути "исправления ошибок", то можно легко выплеснуть ребенка вместе с водой, все равно не понравится результат, пока работа не перенишется в другой традиции.

Подняться до методологии, чтобы разрешить спор – это как до Бога. Но почему мы стали бояться вгрызаться вглубь методологических проблем? Потому, что это трудное чтение? Почему, стыдливо отказавшись от марксистских подходов к языкознанию, заодно отодвинули и другие, ибо они (позитивизм и иже с ним) уже устарели, а новой общепризнанной методологии еще не создали. Подождем и будем работать на уровне методик, а не методологий. Но ведь мы же знаем, что это практически невозможно (используя ту или иную методику, мы всегда в русле той или иной методологии, осознаем мы это или нет).

Но тут и пошли конфликты, практически неразрешимые на данном (недостаточно высоком для научных споров) уровне: кто прав, а кто не совсем прав. Но наука – это иное поле. Здесь нет правых и неправых, есть корректно работающие в науке и некорректно, а это уже другая ситуация. Но и корректность – понятие относительное и относительно быстро меняющееся в пространстве научно-исследовательской деятельности.

Я полагаю, что мы увидели, где зарождается напряжение. А как к нему относиться? Конечно же, по-философски, т. е. для разрешения споров подниматься на уровень методологического осмысления. Это и есть первый тезис моего доклада.

Почему я отдаю этому тезису приоритет? Потому, что дискурс-анализ (в отличие от контент-анализа, рожденного в русле позитивистской социологии) пришел в лингвистику с установкой на:

– малые выборки, но при этом сохранил целостное видение объекта исследования, а значит, фокус внимания на единичное, эксклюзивное;

– внимание к структуре изучаемого объекта, которая в то же время изучается в некоем функциональном пространстве, а значит, рассматривается не в статике, а в динамике, способна открываться коммуникантам разными своими гранями, "прочитываться" многомерно, далеко неоднозначно;

– внимание к потенциальному содержанию изучаемого объекта, а значит, всему разнообразию содержательных элементов, открытому актуализации при тех или иных условиях, для той или иной аудитории (субъект-ориентированное, что отличается от субъективного, прочтение содержания);

– селективный подход, предполагающий отбор, на первый взгляд, случайных элементов текста.

И эти составляющие подхода есть его *квалификативные* признаки. Квалификативные, значит, ему присущие, из чего мы можем назвать странным, даже непрофессиональным рассмотрение этих признаков в оценочном плане (плохо-хорошо). Наличие количественного показателя (значимый массив исследуемых текстов) в контент-анализе – это ни хорошо, ни плохо, а всего лишь обязательный компонент контент-анализа, и понятно, что чем этот массив больше, тем лучше. В то же время малая выборка текстов при использовании исследователем качественного подхода – это также ни хорошо, ни плохо. Здесь выборка просто должна быть малой, и чем она меньше, тем лучше – значит, объект исследования можно рассмотреть еще глубже, еще пристальнее, а он (объект исследования), и это мы помним, бесконечен каквширь, так и вглубь. Это и есть второй тезис данного доклада.

Третий тезис есть прямое продолжение первых двух. И этот тезис – *определенность*. Дискурс-анализ (по крайней мере, то направление дискурс-анализа, в котором работаем мы, направленное на изучение только того контекста, который "вписан" в содержание и может быть из него реконструирован) исходит из методологии синтеза различных подходов, холистичности, интердисциплинарности. И это не простая сумма направлений и подходов, не хаотичное видение явления. Множественность, полифоничность для нас упорядочена, гармонична, она находится в движении, в ней есть место конфликтам и их разрешениям. Такой подход задает исследователю установку на то, чтобы он много знал и умел, был, своего рода, универсалом. Соответственно, от исследователя, работающего в этой парадигме, требуется строгость слога, четкость дефиниций, осознание того, где в каждый момент анализа исследователь находится, какую задачу решает, какую установку реализует. Именно поэтому необходимо создание систематизирующего, но в то же время, в определенном смысле слова, открытого словаря-тезауруса дискурс-анализа и дискурс-исследований, нормирующего терминологию данного направления, но при этом оставляющего место для подходов, разрабатываемых разными школами дискурс-анализа, репрезентирующего существующие подходы. Именно такой словарь вышел в 2002 г. во Франции. С 1998 г. над русскоязы-

ычным словарем дискурс-анализа и дискурс-исследований работаем и мы. Результаты данной работы представлены в "Материалах к словарю", опубликованных в приложениях к 3-м выпускам коллективной монографии "Методология исследований политического дискурса" (Мн.: БГУ, 1998; Мн.: БГУ 2000; Мн.: РИВШ, 2002).